

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Куликов Антон Кириллович

**Философский анализ мифологических мотивов в русской
художественной классике**

Специальность
5.7.1 – Онтология и теория познания

Резюме
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Порус Владимир Натанович

Москва
2024

Содержание

Актуальность исследования.....	3
Объект, предмет и методы исследования.....	6
Цели и задачи исследования.....	10
Новизна исследования.....	12
Теоретическая и практическая значимость исследования.....	13
Степень разработанности темы исследования.....	14
Основные положения и выводы исследования.....	23
Апробация результатов исследования.....	41

Актуальность исследования

Философское осмысление произведений М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова и Л.Н. Толстого, понимание их как формы философствования важно, в первую очередь, как привнесение в философию недостающего ей сегодня *живого знания* (пользуясь термином С.Л. Франка¹). Как отмечал С.Н Булгаков, подлинный поэт и подлинный мыслитель – «в конечном смысле одно и то же»². Ведь вопросы философии – скажем, об истоке и единстве бытия, о тайне смерти и жизни, о природе свободы и красоты и т.п. – по самому существу их, нельзя осмыслить и разрешить посредством одного лишь объективирующего дискурсивного знания. Понять свободу, любовь или красоту, подменяя их живую реальность, понятиями и суждениями о них, невозможно; нельзя постичь смысл смерти и страдания, вечную тайну зла, не встречаясь с ними, не соучаствуя в этих тайнах, а отгораживаясь от них теорией зла и теорией страдания.

Это не значит, что мыслителю надлежит вовсе отринуть теории и дискурсивное знание ради мифопоэтического сопереживания вечным тайнам: это означало бы остаться вовсе без доказательств и внятных познавательных результатов. Франк не раз оговаривал, что живое знание богаче дискурсивного, а не беднее его: оно сверхрационально, а не до- или иррационально³: на уровне спекуляции и логического умозаключения невозможно раскрыть, исчерпать тайну красоты, свободы или страдания. Однако и возможно, и нужно, во-первых, подвести человека к такому этапу рассуждения, на котором может состояться его встреча с этими тайнами, переход от мысли о красоте или о зле к их реальному присутствию. И, во-

¹ О живом знании см. Франк С.Л. Предмет знания // Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука. 1995. особенно – С. 355–358; Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда. 1990. С. 307–308 и др.

² Булгаков С. Трагедия философии (философия и догмат) // Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука. 1993. С. 314.

³ Франк С.Л. Предмет знания // Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука. 1995. С. 305; Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда. 1990. С. 231 и др.

вторых, преодолеть их упрощенные, недостаточные объяснения. Устанавливая для своего исследования очень близкий нам способ философской работы, Ф.В.Й. Шеллинг в «Мировых эпохах» писал: «Точно как речь сопровождается ритмом, философское знание все еще должно поддерживаться и сопровождаться диалектикой»⁴.

Итак, обращение к русской литературной классике помогает философии оставаться человеческой и живой. Сегодня часто выглядят респектабельными усилия философии подражать науке, растворяясь в ее объективирующем мышлении и внешне копируя ее точность и конструктивность в определении предмета, методов, дисциплинарных границ. В действительности, это лишь очередная модная попытка *упразднения* философии ради ее же блага. Весьма актуально сегодня звучат слова Фр. Шлегеля: философия и поэзия «связаны неразрывно, это дерево, корни которого – философия, а прекрасный плод – поэзия. Поэзия без философии становится пустой и поверхностной, философия без поэзии остается бездейственной и становится варварской»⁵. Вероятно, насущность этих слов и является основной причиной большого интереса и отечественных, и западных мыслителей к художественной классике (в частности – к произведениям Лермонтова, Гончарова и Толстого), герменевтическая интерпретация которой выстраивается как способ философствования.

Среди наиболее заметных российских исследователей, давно работающих в этом ключе, стоит назвать: С.А. Никольского, В.Н. Поруса, В.К. Кантора, В.А. Подорогу, С.С. Неретину, О.А. Жукову, И.Н. Сиземскую и т.д. Безусловно, классику русской философской мысли – от Д.С. Мережковского и М.М. Бахтина до С.С. Аверинцева и Ю.М. Лотмана – тоже нельзя представить без совершенного ею философского осмысления наследия таких писателей, как Лермонтов, Гончаров, Толстой.

Ныне изрядное количество конференций и регулярных семинаров по

⁴ Schelling F.W.J. The Ages of the World (1811). State University of New York: SUNY Press. 2019. P. 64.

⁵ Шлегель Фр. История европейской литературы // Шлегель Фр. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство. 1983. С. 40.

философской проблематике в литературе и в наследии Лермонтова, Гончарова и Толстого конкретно⁶, конференции и круглые столы, на которых напряженно обсуждается диалог философии и литературы⁷, свидетельствуют, что эти вопросы – ключевые для данного исследования – касаются *живого нерва философии сегодня*. Думается, большое внимание к ним в отечественном, по крайней мере, философском сообществе обусловлено как **раз востребованностью живого знания в философии, призванной говорить о несказуемом** – о недоступном предметному познанию и невыразимом в понятии – творчество Лермонтова, Гончарова, Толстого дает исследователю такую возможность.

Поэтому актуальность исследования связана:

во-первых, с потребностью философствования в событийном, живом знании, которое не вступает в конфликт с дискурсивным и предметным знанием, но и не сводится к нему – в знании как переживании и присутствии реальности, участии в ней, а не в знании-модели. В отрыве от живого знания философия делается отвлеченным рассуждением над не получающими ответа вопросами – занятие творчеством Лермонтова, Гончарова и Толстого помогает обрести это знание в стоящем у истоков философии союзе с мифопоэтическим словом;

во-вторых, с общей для классической философии и литературы ситуацией кризиса, ознаменованного катастрофами прошлого столетия. Как и писатель, философ, чтобы не потерять себя сегодня, должен отыскать способ говорить о несказуемом всерьез, оставаясь понятным и живым, не уходя в скорбное и ироничное молчание. Тут и оказывается необходима ему

⁶ Стоит назвать такие конференции, как «Идеи и образы М.Ю. Лермонтова в мировой и отечественной культуре» в Тарханах (к двухсотлетию Лермонтова) 20.10.2014; семинар в Государственном музее Л.Н. Толстого (совместно с ИФ РАН) «Философия в литературе. Литература в философии. Путь, проложенный Львом Толстым», ежегодные «Толстовские чтения» и др.

⁷ «Философия и литература: проблемы взаимных отношений» 2009 г. (Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы круглого стола) / В.А. Лекторский [и др.] // Вопросы философии. 2009. № 9), конференция «Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию» (к 100-летию «Философского парохода»), 27–30.09.2022 (прежде всего, секция «Философия и литература») международные конференции «Philosophy & Literature» в Клагенфурте 29.05.–2.06.2019, «Philosophy and Literature» в Лос-Анджелесе 15.05.2022, «Philosophy and Literature in Dialogue» в Загребе 8–9.12.2022 и др.

человечность, являющая себя не в спекуляции, а в сопереживании Лермонтову, Гончарову и Толстому, их особый язык как живое присутствие и автономная реальность человечности, не просто описание или объяснение ее;

в-третьих, с насущной задачей осмысления и определения положения философии среди других гуманитарных дисциплин и ее соотношения с другими сферами духовной культуры – в частности, с мифологией и художественной литературой, с необходимостью выяснить и сохранить собственный статус философствования не вопреки неоспоримой сегодня неавтономии философии, но на основе ее. При этом распыленность гуманитарного знания в вузах говорит сегодня о востребованности междисциплинарных исследований, которые могли бы объединить усилия философов, историков, филологов как для собственно исследовательских, так и для образовательных целей.

Объект, предмет и методы исследования

Объектом диссертационного исследования является наследие Лермонтова, Гончарова и Толстого, понятое как мифотворчество: как событийная реальность отличная от простого представления о реальности, имеющая онтологический статус.

Предметом исследования являются мифологические мотивы творчества Лермонтова, Гончарова и Толстого: детскость и «наивность» мифотворчества, тавтологизм, скульптурность, апофатизм и др. – рассматриваемые как обладающие эвристической ценностью для философии, как материал и средство решения онтогносеологических проблем, как форма живого знания в философии.

Мифотворчество: ключевое понятие исследования. Понятие живого – необъективирующего и событийного – знания отсылает нас к тем областям духа, которые кажутся весьма далекими от всякой доказательности и строгости знания мысли – к литературе и мифологии. Данное исследование

опирается на философию мифологии, восходящую к Ф.В.Й. Шеллингу⁸ и унаследованную Э. Кассирером⁹, А.Ф. Лосевым¹⁰, С. Булгаковым¹¹, К. Хюбнером¹² и др. Миф, согласно ей, не является ни индивидуальным, ни коллективным вымыслом: он сбывается в жизни человека без его воли и намерения и вполне реален для охваченного им сознания. Потому мифологию можно понять лишь тавтологически: смысл ее нельзя отличить и обособить от формы его выражения, как если бы он мог бы иметь место и вне мифологического выражения и лишь потом, как бы на втором шаге, перелаялся бы в мифические иносказания.

Следовательно, мифология не прото-художественное, не примитивно-научное или не какое-либо еще *представление* о действительности, она есть совершенство (в исконном смысле завершенности, полноты бытия) действительности – «универсум в более торжественном одеянии, в своем абсолютном облике, истинный универсум в себе», по классической формулировке Шеллинга¹³. Столь же важно, что мифология не объектная данность, но живой продолжающийся процесс, затрагивающей все аспекты человеческой жизни, отнюдь не только мировоззренческие вопросы, в которых мифологии, наоборот, растворяется, перестает быть мифологией. Миф – живой, становящийся, но никогда не ставший, он не замирает в замкнутой системе убеждений, символов и ритуалов. Названные ключевые особенности мифологии и дают основание отыскивать в ней сущность и источник до-объективирующего знания, сбывающегося как живое присутствие реальности, ее самооткровение человеку.

⁸ Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии // *Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения* в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1989. С. 159–374; *Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства*. М.: Мысль. 1966; *Шеллинг Ф.В.Ш. Философия мифологии*. В 2-х т. Т. 2. Монотеизм. Мифология. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2013.

⁹ *Кассирер Э. Философия символических форм*. Т. II: Мифологическое мышление. М.: Академический Проект. 2011; *Кассирер Э. Миф и религия* // *Избранное. Опыт о человеке*. М.: Гардарика. 1998. С. 524–567; *Cassirer E. The Myth of the State*. New Haven: Yale Univ. Press. 1946. P. 3–53.

¹⁰ *Лосев А.Ф. Диалектика мифа*. М.: Мысль. 2001; *Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян*. М.: Мысль. 1996; *Лосев А.Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов*. М.: Эксмо. 2005 и др.

¹¹ *Булгаков С. Первообраз и образ: сочинения в двух томах*. Т. 1. Свет невечерний. СПб.: ИНАПРЕСС, М.: Искусство. 1999. Особенно – С. 72–83.

¹² *Хюбнер К. Истина мифа*. М.: Республика. 1996.

¹³ *Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства*. М.: Мысль. 1966. С. 105.

Но почему при этом необходимо обращение к Лермонтову, Гончарову и Толстому? Для нашего исследования крайне важно, что философы, проанализировавшие, прочувствовавшие «истину мифа», неизменно связывали с нею произведения таких писателей, которых никак нельзя считать изобразителями или судьями эмпирически данного (в этом смысле – «реального») мира, которые были творцами своих особенных миров – реальным в своем неправдоподобии, убедительных в своей невероятности.

Еще Шеллинг писал в этом духе о Данте¹⁴, отмечая даже, что именно способность создать свой миф – подлинное мерло литературного дарования¹⁵. Анализ «истины мифа» у Хюбнера предваряется подробным разбором мифопоэтики Гёльдерлина¹⁶, на которую он и после не устает ссылаться, подкрепляя примерами из произведений немецкого поэта свои суждения об особенностях мифа. Не менее активно Лосев цитирует Гоголя, Лермонтова, Льва Толстого¹⁷ в своих философских исследованиях мифа и т.д. Лосев сам подчеркнул в своем тексте слова: *«Художественное понимание должно быть мифологическим пониманием»*¹⁸.

Применительно к литературной классике мы можем определить *мифотворчество* как *автономную событийную необъективируемую реальность соработничества писателя и живого апофатического начала, присутствие и самораскрытие которого отличают эту реальность от любого представления о реальности и делают ее тавтологичной, скульптурной, фаталистичной. Тавтологичностью* мы называем самореферентность мифа, его онтологическую самодостаточность, неразличимость в нем смысла и выражающей его формы, *скульптурностью* – вытекающий из этой неразличимости пластический характер мифа, не знающего трансцендентного и сплошь состоящего из «внешних», скульптурных форм, вплоть до скульптурности языка мифотворца. **Апофатизм** – связь мифотворчества с живым онтологическим основанием, предшествующим сознательной активности человека, его мысли и речи,

¹⁴ Там же. С. 447.

¹⁵ Там же С. 105.

¹⁶ Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика. 1996. С. 14.

¹⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль. 2001. С. 105–106; Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Форма – Стиль – Выражение. М. Мысль. 1995. С. 75–77, 93 и др.

¹⁸ Там же. С. 75.

делающим мифотворчество возможным в качестве событийной реальности (а не вымысла индивида или коллектива): именно потому, что невымышленная реальность мифа возможна лишь благодаря связи с этим живым истоком, он сам никогда не может быть представлен в мифотворчестве явно и предметно. Все образы и сюжеты мифа неявно указывают на него, как точки окружности своим взаимным расположением указывают на невидимый центр окружности, но сам этот центр никогда не может быть предъявлен как предметная часть окружности.

Методология исследования включает в себя ряд традиционных для философа приемов: *герменевтическую интерпретацию художественного произведения, синтез и исторический анализ, а также сравнительный анализ.* Сравнительный анализ позволяет выявить сходство и преемственность Лермонтова, Гончарова и Толстого, а также близость их творчества с мифом, истолкованным на основе традиции философии мифологии, восходящей к Ф.В.Й. Шеллингу. На основе герменевтической интерпретации в наследии Лермонтова, Гончарова и Толстого эксплицируются основные черты мифотворчества: тавтологизм, апофатизм, фатализм, скульптурность и их общий духовный фокус – центральный мотив детскости. Таким образом, этот метод позволяет понять и обосновать эвристический потенциал философии мифологии и философии детства для изучения литературной классики. Исторический анализ и синтез помогают выявить основополагающее значение этих мифологических мотивов для творчества трех русских классиков, для их идейной и художественной связи.

Впрочем, ключевым для данного исследования как для онтологического проекта выступает метод, или прием, восходящий к Шеллингу: в рабочем порядке назовем его *установкой на не-автономность мышления.* Она обусловлена сверхрациональной природой живого знания и заключается в том, что всегда в данном исследовании – при изучении «наивности» мифотворчества, взаимосвязи времени и вечности в мифологическом видении природы или тайн человеческой свободы и любви – сначала должен быть *исчерпан* потенциал объективирующей мысли, задействованы силы логико-дискурсивного мышления. Однако на каждом этапе нашего исследования –

если только правильны его предпосылки, а проверить их можно только делом – мы будем сталкиваться с *недостаточностью* этих сил для решения философских задач. А осознание этой недостаточности открывает два чисто логически равновозможных пути: *отказ* от притязаний на решение тайны, оказавшейся неразрешимой рационально, или добровольное соучастие в этой тайне, сопереживание ее присутствия, то есть *обращение к живому знанию* ее, которое, в отличие от логической дедукции, бывает лишь добровольным. Именно в этот ключевой момент перехода от движения понятий к живому знанию и соучастию в тайне философу и приходит на помощь мифотворчество Лермонтова, Гончарова, Толстого.

Цели и задачи исследования

Цель диссертационного исследования – дать философскую интерпретацию произведений Лермонтова, Гончарова и Толстого как мифотворчества (с опорой на философию мифа и связанную с ней в одно смысловое целое философию детства), доказать реальность мифотворчества и его эвристическую ценность для философского познания. Вслед за Лоцицем и рядом иных исследователей, воспринявших его рабочую терминологию, мы *не противопоставляем* реализм этих русских классиков их мифотворчеству, но задаемся целью обосновать тезис об их *мифологическом реализме* – о том, что сам миф у них становится наиболее весомой, ценной, сбывающейся с человеком реальностью, отличной от обычной предметной действительности. Таким образом, философский анализ русской классики должен стать *онтологическим проектом* с событийной, необъективируемой реальностью мифотворчества во главе угла. Этим определена и структура исследования: сначала надлежит прояснить и обосновать специфическую реальность мифотворчества, его источник (мифологическую фантазию) и познавательную ценность. Затем от мифа как со-бытия перейти к двум основным участникам этого со-бытия: *природе*, завершающейся в человеке, в его мифологической фантазии, и *человеку*, обретающему себя в природе, но и перерастающем ее в мифотворчестве.

Философский анализ *не стоит отождествлять с историческим (литературоведческим, историко-филологическим) исследованием*. В данной

работе ставится цель на основе методологического и понятийного инструментария философии мифа найти в образах и сюжетах Лермонтова, Гончарова и Толстого *форму живого знания необходимого для осмысления философских проблем*, но не реконструировать строго по источникам исторические факты их биографий и творчества.

Для достижения цели работы необходимо решить ряд исследовательских **задач**:

1. Эксплицировать, базируясь на философии мифологии, мифологичность Лермонтова, Гончарова и Толстого, событийную реальность их мифотворчества;
2. Проанализировать мифологическую фантазию как форму самоданности природы, ее живого знания в мифотворчестве Лермонтова, Гончарова и Толстого, иными словами – понять ее как онтологическое соучастие человека и природы в общих для них событиях мифа;
3. Выявить взаимосвязь и ключевое значение ключевых мифологических мотивов: детскости, скульптурности, апофатизма, тавтологизма, для понимания природы в мифотворчестве;
4. Прояснить соотношение вечности и времени, проблему живой вечности в мифологическом понимании природы и человека в наследии Лермонтова, Гончарова и Толстого;
5. Доказать, что именно в мифотворчестве воплощает себя тайна встречи с живым человеком – с недоступным для объективации «Ты»;
6. Установить связь тайны человека в мифотворчестве с основными мифологическими мотивами: тавтологизмом, скульптурностью, апофатизмом, детскостью;
7. Определить онтологическую основу взаимосвязи судьбы с человеческой свободой в мифотворчестве русских классиков;

8. Обосновать и проанализировать человечность мифотворчества как возможность преодолеть современный «кризис человеческого самопознания».

Новизна исследования

1. Разработан новый подход к философскому анализу литературной классики: онтологическое истолкование произведений Лермонтова, Гончарова и Толстого как мифотворчества с опорой на восходящую к Шеллингу философию мифологии. В отличие от давно существующей в России традиции видеть в русских классиках создателей мифов в смысле *фантазийного представления о реальности, которое принимается за реальность*, которое влюбляет и очаровывает, подменяя собой реальность, *мы отстаиваем не литературоведческий, а онтологический тезис* о том, что мифотворчество Лермонтова, Гончарова и Толстого *не измышляется и создается людьми, а сбывается с ними, но не благодаря лишь им самим*. Иными словами, мы выстраиваем именно **онтологию мифотворчества как живой основы самой реальности, а не как одной из возможных точек зрения на реальность**, особый колорит которой выявлял бы историко-филологический анализ мифологических архетипов в творчестве этих писателей;
2. Само понятие мифотворчества существенно переосмысливается и конкретизируется при этом: мифотворчество не туманный образ, а живая связь требующих друг друга мотивов апофатизма, скульптурности, тавтологизма, фаталистичности;
3. Одним из важнейших новшеств исследования является обоснование и изучение связи мифотворчества с детскостью, а философии мифологии – с философией детства: идея детскости становится одним из ключевых инструментов философского исследования и мифологии, и произведений крупных русских писателей-мифотворцев;
4. Философский анализ произведений Лермонтова, Гончарова и Льва Толстого выполнен как онтологический проект, по-новому

истолковывающий и обосновывающий реальность мифотворчества как реальность чуда (как его трактовал А.Ф. Лосев) и со-бытия (в понимании М. Хайдеггера и Г. Марселя);

5. Событийная реальность мифотворчества также изучена как живое знание (по С.Л. Франку) человека и природы (Космоса), по-новому продемонстрирована его необходимость для философии;
6. Обосновано и раскрыто эвристическое значение живого знания, детскости и мифотворчества для понимания и поиска решения целого ряда важнейших вопросов философии природы (в частности, о соотношении вечности и времени, о возможности объективного постижения природы, об антропоморфизме природознания) и философской антропологии (скажем, о возможности человеческой свободы, о «чужом» сознании, о соотношении души и тела и др.);
7. Философское исследование мифологических мотивов в творчестве Лермонтова, Гончарова и Льва Толстого включает в себя и опыт своеобразного истолкования истории, связывающий и видимый взлет, и горькую трагедию новоевропейской культуры (устами Канта назвавшей себя «выходом из состояния несовершеннолетия») с неприятием ею мифа и детства.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Онтогносеологический анализ мифотворчества Лермонтова, Гончарова и Толстого позволяет привнести в академическую философию элементы живого знания и по-новому понять хорошо изученные произведения классиков (равно как и философию мифологии Шеллинга, Кассирера, Лосева) – словом вдохнуть новую жизнь в философский анализ русской литературы, отыскать новые пути его развития. Настоящая работа связывает ряд гуманитарных дисциплин: философию мифа, филологию, детскую психологию – не в смутном смешении различных направлений, но в одной

методологической программе и понятийной схеме, что сегодня представляется перспективным и востребованным как в сфере самих гуманитарных исследований, так и в сфере преподавания. В работе с учащимися данное исследование может стать идейной и методической базой курсов по философии мифа, философии детства, по осмыслению художественной литературы как формы философствования. На них могли бы одновременно присутствовать философы, психологи, историки и литературоведы, способные внести свой профессиональный вклад в общее дело, вступить в полемику, в продуктивный диалог. Так, методы и основные положения диссертации уже были с успехом применены в ходе подготовки и проведения НИСа по философии в русской классической литературе (проходит с 2020 г. для бакалавров 2-4 курса).

Степень разработанности темы исследования

На сегодняшний день исследования собственно мифологических мотивов в наследии Лермонтова, Гончарова и Толстого остаются фрагментарными: сейчас можно вести речь не о системных исследованиях произведений этих русских писателей как мифотворчества, но, скорее, о многообразных заметках, идеях, набросках и российских, и западных авторов, изучавших той или иной из коротко обозначенных выше особенностей мифотворчества. Это положение дел свидетельствует одновременно о новизне и востребованности данной работы и об ее укоренении в солидной исследовательской традиции, подкрепляющей многие наши положения выводами ученых, уже разрабатывавших эту тематику.

Некоторые важные замечания и оговорки относительно мифологичности Лермонтова, Гончарова и Толстого находим у них самих. Например, Гончаров сам назвал «Обломова» своим мифом и «большой

сказкой»¹⁹: еще Н.К. Михайловский настаивал на том, что для понимания Гончарова необходимо уловить его мифологические мотивы зачарованного сна, вечного сонного царства, а в его главных героях – узнать черты мифологических архетипов²⁰. Эти мысли подхватил Ю.М. Лоциц, описавший художественный метод, стиль Гончарова как «мифологический реализм»²¹: термин, безусловно, родственный нашему «мифотворчество», так как подчеркивает возведение подле обыденной эмпирической действительности более важной, превосходящей ее мифологической реальности.

Целый ряд современных исследователей, иногда жестко полемизируя с Лоцицем, в то же время принимают и развивают его слова о «мифологической закваске» реализма Гончарова, отмечая, например, яркие мифологемы заповедного царства вечного сна и покоя, «уголка», умного «дурака», вроде русского Емели, неудалого богатыря Ильи, тридцать лет и три года проведенного на печи (с ним Илью Ильича сопоставлял уже Ю. Айхенвальд²²) и др. В этой связи нужно назвать таких зарубежных исследователей, как И. Клиспис, К. Теста, Ч. Боровец²³, и таких отечественных авторов, как В.К. Кантор, Л.С. Гейро, В.И. Мельник²⁴, наблюдения и выводы которого особенно близки нам²⁵. Он не только подчеркивает мифологичность произведений Гончарова, но и увязывает ее с пластичным, скульптурным характером прозы классика – с рельефной «объективностью» его языка.

¹⁹ Гончаров И.А. Письмо к И.И. Льховскому. Мариенбад, 2/14 августа 1857 // Литературный архив. Т. III. Л.: Изд-во АН СССР. 1951. С. 118.

²⁰ Михайловский Н.К. Софья Николаевна Беловодова: Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского» И.А. Гончарова // Гончаров И.А. в русской критике: Сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1958. С. 184–185.

²¹ Лоциц Ю. Гончаров. М.: Молодая гвардия. 1986. С. 179.

²² Айхенвальд Ю. Гончаров // Силуэты русских писателей. В 2 вып. 2-е изд. М. 1908–1913. С. 147.

²³ Testa C. Goncharov's Oblomov: Fragmentation, Self-Marginalization, Cockroaches // Canadian-American Slavic Studies=Revue Canadienne-Americaine d'etudes slaves. 1994. № 28 (4). P. 399–418; Kleespies I. Russia's Wild East? Domesticating Siberia in Ivan Goncharov's 'The Frigate Pallada' // Slavic and East European Journal. 2012. № 56 (1). P. 21–37; Borowec Ch. Time after Time: The Temporal Ideology of Oblomov // The Slavic and East European Journal. Vol. 38, 4. 1994. P. 561–573

²⁴ Гейро Л.С. Роман И.А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И.А. Обломов. Л.: Наука. 1987. Особенно – С. 536–538; Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. 2-е изд., перераб. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга. 2014. С. 190–194; Мельник В.И. Фольклорный базис художественной модели И.А. Гончарова // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 4. С. 67–81; Мельник В.И. И.А. Гончаров и Данте: вопросы поэтики // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 4. С. 58–79 и др.

²⁵ Мельник В.И. Фольклорный базис художественной модели И.А. Гончарова // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 4. С. 69.

Отчасти этот тезис восходит к работам Д.С. Мережковского, который тоже сравнивал образы и сюжеты Гончарова с барельефами и статуями: скульптурность, воплощение всего и вся в самодовлеющих телесных формах – важная черта мифа (отмеченная особенно Кассирером и Лосевым), непосредственно связанная с его тавтологизмом. Мережковский также соотносил эту скульптурность Гончарова с другой характерной чертой его творчества, в которой тоже без труда узнаем черту мифологическую (по Шеллингу, Кассиреру и Лосеву) – с символизмом как условием и местом встречи временного и вечного, общего и особенного²⁶.

Описанный у Мережковского архитектурных размах, мифологическая подоплека, чувство вечности и заметное превалирование целого над всем частным и индивидуальным – все это позволяет сблизить произведения Гончарова с эпосом. Действительно, и Лермонтов, и Гончаров, и Толстой сами не раз говорили, что ориентировались в своем творчестве на мифы, сказки, фольклор и особенно – на гомеровский мифологический эпос. Об этом многое написано и российскими²⁷, и западными²⁸ исследователями.

Особое значение здесь имеют классические работы исследования М.М. Бахтина, определившего несколько ключевых особенностей эпоса, прежде всего – ценностно-временную дистанцию между профанным настоящим и абсолютным прошлым и связь эпоса с национальным преданием²⁹. При этом за иллюстрациями Бахтин нередко обращался именно к Гончарову и Толстому. Подобным образом Мережковский отмечал, что в

²⁶ Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука. 2007. С. 461–462.

²⁷ Эйхенбаум Б. Из статьи «Очередные проблемы изучения Л. Толстого» // Эйхенбаум Б. О прозе. Сборник статей. Л.: Художественная литература. 1969. С. 190–192; Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука. 2007. С. 199–200; Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2008. С. 111–112; Мельник В.И. Фольклорный базис художественной модели И.А. Гончарова // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 4. С. 71.

²⁸ Блум Г. Толстой и героизм // Западный канон. Книги и школа всех времен. М.: Новое литературное обозрение. 2017. С. 401; *Kliger I. Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism // Slavic Review, Vol. 70, no. 1. 2011. P. 52; Friedrich P. Tolstoy, Homer, and Genotypical Influence // Comparative Literature. Vol. 56, No. 4. 2004. P. 285; Frederick T., Stanley J. Tolstoy and Homer // Epic and the Russian Novel from Gogol to Pasternak. Academic Studies Press. 2011. P. 146; Lounsbury A. The World on the Back of a Fish: Mobility, Immobility, and Economics in 'Oblomov' // Russian Review. 2011. № 70 (1). P. 43.*

²⁹ Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература. 1975. С. 458.

прошлом помещает Гончаров источник света, озаряющего и животворящего все его творчество, противостоящего мерклой современности³⁰ – близкие по духу и смыслу выводы встречаем сегодня у Лима, Клисписа, Мельника³¹ – а о нарочитом архаизме Льва Толстого многократно писал Б.М. Эйхенбаум³².

Почти то же самое пишут исследователи и о Лермонтове, который не успел написать, но задумывал собственный эпос и лишь отчасти воплотил его в жизнь в своей эпической поэзии: в «Боярине Орше», «Валерике», «Песне о купце Калашникове», «Бородино» и др. В этих произведениях повествуется от имени народа, простых солдат, гусяров не именно об абсолютном, фольклорном и мифологическом, а не об историческом прошлом: «Умчался век эпических поэм»³³. Есть весьма серьезные основания считать, что именно Лермонтов оказал решающее влияние на Гончарова и Толстого, предвосхитив не только многие философские мотивы их творчества (от героизма и фатализма до опрощения), но и их скульптурную прозу, и сам мифологический эпос³⁴.

Следующая формулировка Эйхенбаума как нельзя лучше описывает эпос русских классиков: это «создание прошлого на основе преданий – как реальности более значительной, чем реальность только историческая»³⁵. Сам Эйхенбаум не говорит здесь о мифе и эпосе, основанном на мифе, однако, в

³⁰ Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука. 2007. С. 208.

³¹ Мельник В.И. Фольклорный базис художественной модели И.А. Гончарова // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 4. С. 74; Lim S.S. Whose Orient Is It?: 'Frigate Pallada' and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East // Slavic and East European Journal. 2009. № 53 (1); Kleespies I. Russia's Wild East? Domesticating Siberia in Ivan Goncharov's 'The Frigate Pallada' // Slavic and East European Journal. 2012. № 56 (1).

³² Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. С. 296–297.

³³ См., прежде всего, Айхенвальд Ю. Лермонтов // Силуэты русских писателей. В 2 вып. 2-е изд. М. 1908–1913. С. 79–81; Эйхенбаум Б. Литературная позиция Лермонтова // Статьи о Лермонтове. М., Л.: Издательство академии наук СССР. 1961. С. 114, среди современных авторов см., прежде всего, Никольский С.А. Русское мировоззрение. Т. I. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных произведениях XVIII – середины XIX столетия. М.: Прогресс Традиция. 2008. С. 206–207; Серман И.З. Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836–1841. 2-е изд. М.: РГГУ. 2003. С. 81–82; Griffiths F., Rabinowitz S. Epic and the Russian Novel: from Gogol to Pasternak. Academic Studies Press. 2011. P. 81, 176 и др.

³⁴ Наиболее важные работы на эту тему: Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ. 2002. С. 378; Дурылин С.Н. На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит. 1941. С. 186, 251; Эйхенбаум Б. «Герой нашего времени» // Статьи о Лермонтове. М., Л.: Издательство академии наук СССР. 1961. С. 282; Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ. 2002. С. 813 и др.

³⁵ Эйхенбаум Б. Из статьи «Очередные проблемы изучения Л. Толстого» // Эйхенбаум Б. О прозе. Сборник статей. Л.: Художественная литература. 1969. С. 191–192.

сущности, слова его – это просто краткая формула мифотворчества в нашем смысле слова. Лермонтов, Гончаров и Лев Толстой словно вылепливают из своей особой прозы объемно-живую, будто не уместящуюся на плоской странице реальность истории, быта, природы и человека незаметно заставляя читателя верить их словам о Наполеоне и Александре, о барской охоте и русской усадьбе больше, чем свидетельствам и аргументам историков: это подчеркивают исследователи и сегодня³⁶.

Весомым аргументом в пользу истолкования наследия русских классиков как мифотворчества являются их воспоминания и рассуждения о том, что собственные персонажи и литературные сюжеты будто перестают слушаться своих создателей и начинают жить своей жизнью. Об этом свидетельствует и читательский опыт исследователей – возьмем, к примеру, замечание В.Н. Набокова: «У нас то и дело возникает ощущение, будто роман Толстого сам себя пишет»³⁷.

Для понимания мифотворчества крайне важно, что мифология признает (в двойном смысле слова) только один уровень реальности³⁸ и сама сбывается как его телесное присутствие, не выстраивая характерных для мировоззрения взрослых пластов менее и более реального. Этому соответствуют суждения ряда исследователей наследия Лермонтова, Гончарова и Толстого, указывающих, к примеру, на важность и реальность сна, встающего вровень с явью, а порой и перевешивающего ее: это вполне очевидно в гончаровском «Обломове», но характерно и для стихов Лермонтова³⁹, и для эпического

³⁶ Порус В.Н. На сретении символа и реальности (еще раз о «Докторе Живаго») // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 7. С. 64. См. также *Friedrich P. Tolstoy, Homer, and Genotypical Influence // Comparative Literature*. Vol. 56, No. 4. 2004. P. 283–284; *Browning G.L. A “Labyrinth of Linkages” in Tolstoy’s “Anna Karenina”*. Academic Studies Press. 2010. P. 40.

³⁷ Набоков В.Н. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика. 2010. С. 225. См. также *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. С. 45; *Эйхенбаум Б.М.* Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки // *О литературе: Работы разных лет*. М.: Советский писатель. 1987. С. 271; *Белый А.* Лев Толстой и культура // *О религии Льва Толстого*. М.: Путь. 1912. С. 155–156 и др.

³⁸ *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. М.: Академический Проект. 2011. С. 50–51; ср. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М.: Мысль. 2001. С. 55.

³⁹ См. особенно *Соловьев В.С.* Лермонтов // *М.Ю. Лермонтов: pro et contra*. СПб.: РХГИ. 2002. С. 339; *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра. 1992. С. 158; *Серман И.З.* Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836–1841. 2-е изд. М.: РГГУ. 2003. С. 66–67, 151; *Löve K.* The Structure of Space in Lermontov's ‘Mcyri’ // *Russian Literature*. Vol. 34. 1. 1993. P. 37–58.

повествования Толстого⁴⁰.

Не раз писали, что нет для этих русских классиков, как и для Гомера, ничего неинтересного в мире, который, кажется, весь без исключения должен попасть в их произведения, отражаясь в бесконечных деталях и названиях⁴¹. В живой вечности мифотворчества стирается различие между случайностью и необходимостью, значительными и практически ничтожными причинами, происшествиями – однако ведь у русских писателей мелкие случайности, напластовываясь, сливаясь постепенно в одно целое, становятся грозной силой судьбы для Обломова, купца Калашникова или Пьера Безухова, а планы и пожелания Наполеона открыто уравниваются по своей значительности для исторического события с волей и планами любого из рядовых его армии⁴².

Остроумная ремарка Кассирера насчет того, что мифологии труднее понять и передать человеческую смерть, чем бессмертие или продолжение жизни за гробом⁴³, тоже хорошо соотносится с наблюдениями исследователей Лермонтова, Гончарова и Льва Толстого. Пишут, например, о том, что сонную идиллию обломовцев смерть тоже как будто ленится нарушать – Гончаров и сам подчеркивает, что ее мифический сон есть «истинное подобие смерти», но ведь именно *подобие*⁴⁴. Да и Обломов скончался мирно – будто под вечер жизни просто уснул вечным теперь уж сном⁴⁵. Тихого вечного сна (не

⁴⁰ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. С. 681; Набоков В.Н. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика. 2010. С. 236; Browning G.L. A "Labyrinth of Linkages" in Tolstoy's "Anna Karenina". Academic Studies Press. 2010 и др.

⁴¹ Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // Гончаров И.А. в русской критике: Сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1958. С. 58; Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука. 2007. С. 199–201; Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука. 2000. С. 98–99; Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. С. 45; Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2008. С. 93–95; Lounsbury A. The World on the Back of a Fish: Mobility, Immobility, and Economics in 'Oblomov' // Russian Review. Vol. 70(1). 2011 и др.

⁴² Толстой Л.Н. Война и мир. Том 3 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-томах. Т. 11. М.: Худож. лит-ра. 1940. С. 4–5.

⁴³ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. М.: Академический Проект. 2011. С. 68.

⁴⁴ «А если кто от старости или от какой-нибудь застарелой болезни и почил вечным сном, то там долго после того не могли надивиться такому необыкновенному случаю» (Гончаров И.А. Обломов: Роман в четырех частях // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Том 4. СПб.: Наука. 1998. С. 104).

⁴⁵ Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука. 2007. С. 197; Лоциц Ю. Гончаров. М.: Молодая гвардия. 1986. С. 181; Testa C. Goncharov's Oblomov: Fragmentation, Self-Marginalization, Cockroaches // Canadian-American Slavic Studies=Revue Canadienne-Américaine d'études slaves. 1994. № 28 (4); Borowec Ch. Time after Time: The Temporal Ideology of Oblomov // The Slavic and East European

«холодного сна могилы») ожидал и Лермонтов, зная, что ему предстоит перенести «земные страсти туда с собой», еще в юности вместо «моя жизнь» говорил «моя вечность»⁴⁶, и даже его поэтическое пророчество о гибели в долине Дагестана написано как стихи не о смерти, но о сне.

Смерть, конечно, не фикция, но и не просто необоримый факт, а тайна, в которую, как князь Болконский у Толстого, мифотворец решается заглянуть. Мережковский писал о Толстом: «Не только живые, но и мертвые лица “говорят” у него: лицо маленькой княгини и в гробу было то же, как у живой: “Ах, что вы со мной сделали?” – все говорило оно»⁴⁷. Даже на «Смерти Ивана Ильича» можно откликнуться вместе с Набоковым, что «это история жизни, а не смерти Ивана Ильича»⁴⁸.

Проанализированной в трудах Кассирера⁴⁹ и Лосева телесности мифологии, ее воле всякую реальность, все релятивное и абстрактное воплотить в формах скульптурных, пластичных можно поставить в соответствие длинную череду исследований колоссального внимания Лермонтова, Гончарова и Толстого к жизни плоти и тела⁵⁰. Самые сложные размышления, нравственные проблемы, все нюансы человеческих чувств и взаимоотношений получают у этих классиков телесное, почти физически

Journal. Vol. 38, 4. 1994. P. 561–573; *Rebel' G. Oblomov and the Others* // Russian Studies in Literature. 2013. № 49 (4). P. 8–37 и др.

⁴⁶ Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ. 2002. С. 359, 362 и др.; *Исупов К.Г.* Метафизика игры у Лермонтова // Соловьевские исследования. Выпуск 1 (45). 2015. С. 96; *Golstein V.* The Enigma of Heroism in Lermontov's 'The Song of Tsar Ivan Vassilyevich, His Young Oprichnik, and the Stout-Hearted Merchant Kalashnikov' // Lermontov's Narratives of Heroism. Northwestern University Press. 1998. P. 87–88.

⁴⁷ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука. 2000. С. 100. См. также *Вересаев В.В.* Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М.: Политиздат. 1991. С. 79–80; *Hudspith S.* Life in the Present: Time and Immortality in the Works of Tolstoy *The Modern Language Review*. Vol. 101, no. 4. 2006. P. 1059 и др.

⁴⁸ *Набоков В.Н.* Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика. 2010. С. 334.

⁴⁹ См. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. М.: Академический Проект. 2011. С. 68–70 и др.

⁵⁰ Для данного исследования наиболее важны следующие тексты, затрагивающие эту тематику: Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ. 2002. С. 376; *Леонтьев К.Н.* Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л.Н. Толстого. Критический этюд. М. 1911. С. 104–105; *Эйхенбаум Б.* «Герой нашего времени» // Статьи о Лермонтове. М., Л.: Издательство академии наук СССР. 1961. С. 279; Алданов М. Загадка Толстого // *Алданов М.* Сочинения. В 6-ти книгах. Кн. 6: Ульмская ночь. Литературные статьи. М.: Новости. 1996. С. 73; *Лоциц Ю.* Гончаров. М.: Молодая гвардия. 1986. С. 189–190; *Butler E.M.* Rilke and Tolstoy // *The Modern Language Review*. Vol. 100. 2005. P. 210–221; *Rosenshield G.* Injury, Pain, and Change in 'War and Peace': The Cases of Nikolai Rostov and Prince Andrei Bolkonsky // *The Russian Review*. Vol. 74 (4). 2015. P. 662–663.

ощутимое выражение, как справедливо пишут исследователи⁵¹. Порой даже отдельные части человеческого тела – пухлые белые руки Сперанского, губка с усиками маленькой княгини или «светящиеся таким удивительным светом» глаза Анны Карениной и т.п. – делаются почти самостоятельными литературными героями, как нос, ушедший от своего хозяина в повести Гоголя⁵².

Далеко не всегда при этом исследователи сближают произведения этих писателей с мифом, однако такие формулировки, как «тайновидец плоти» (о Толстом), «святость плоти» (о Лермонтове), по смыслу своему приближаются к тому, что мы называем мифотворчеством, равно как сопоставления персонажей Толстого с египетскими божествами в книге Мережковского и целый ряд отдельных его наблюдений: «Как будто художник отыскивает в доведенном до последних пределов естественном – сверхъестественное, в доведенном до последних пределов телесном – сверхтелесное»⁵³.

Понять это сверхъестественное в мифотворчестве помогает замечание С. Булгакова, об отсутствии в мифе имен *нарицательных*: «Подлежащее мифа, его субъект, может быть обозначено только “собственным”, а не “нарицательным”, родовым именем»⁵⁴. Поскольку мифология не выстраивается человеком и не предстоит ему, а сбывается с ним, любые силы, вещи, явления природы в мифе не предметы и представления, не безличные «Они», а живое присутствие «Ты», коим сопереживает человек. Такую интуитивно, до всякого размышления понятную личностную форму, одушевленность животных, вещей, отдельных черт тела и характера у Лермонтова Лосев эксплицитно сближал с мифом⁵⁵.

Здесь вновь мы видим, как суждения многих исследователей (обычно ничего не говорящих о мифе) насчет символизма и странной живости вещей,

⁵¹ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука. 2000. С. 99–100.

⁵² Там же. С. 95

⁵³ Там же.

⁵⁴ Булгаков С. Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. 1. Свет невечерний. СПб.: ИНАПРЕСС, М.: Искусство. 1999. С. 72.

⁵⁵ Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Форма – Стиль – Выражение. М. Мысль. 1995. С. 75, 77, 93; . См. также Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль. 2001. С. 92–93.

дорастающих порой у Лермонтова, Гончарова и Толстого до ранга персонажей, точно соответствуют выводам философии мифологии⁵⁶. Это касается и наблюдений исследователей относительно интуитивно-практически понятных человеку мыслей, чувств и даже «без слов, но живой» речи животных, растений, скал, стихий у русских классиков⁵⁷.

Необходимо сказать и о солидном массиве текстов, посвященных у исследователей детскости в творчестве Лермонтова, Гончарова и Толстого, их интересу к детству и к игре детей, их манере говорить о мире природы и людей от имени ребенка, оценивая и обзореая их с точки зрения детей⁵⁸.

Причем, среди классиков и современников немало и тех, кто пишет о детскости у Лермонтова, Гончарова и Льва Толстого с симпатией⁵⁹, и тех, для кого она остается символом всего, что надлежит преодолеть⁶⁰. У ряда исследователей – например, у Вересаева⁶¹ и Кантора⁶² – детскость открыто соотносится с мифотворчеством, и сам миф при этом трактуется как «детство»

⁵⁶ Эйхенбаум Б. Литературная позиция Лермонтова // Статьи о Лермонтове. М., Л.: Издательство академии наук СССР. 1961. С. 71; *Набоков В.Н.* Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика. 2010. С. 338; *Серман И.З.* Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836–1841. 2-е изд. М.: РГГУ. 2003. С. 246–247.

⁵⁷ *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука. 2000. С. 121, 129 и др.; *Вересаев В.В.* Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М.: Политиздат. 1991. С. 60–61; *Löve K.* The Structure of Space in Lermontov's 'Meysi' // Russian Literature. Vol. 34. 1. 1993. P. 44.

⁵⁸ Бахтин М.М. Приложение. Заключительное слово М.М. Бахтина на обсуждении доклада «Роман, как литературный жанр» // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа. М.: Языки славянских культур. 2012. С. 649; *Вересаев В.В.* Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М.: Политиздат. 1991. С. 103 и др.

⁵⁹ *Дружинин А.В.* Из статьи: «Обломов», роман И.А. Гончарова // Гончаров И.А. в русской критике: Сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1958. С. 180; *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука. 2007. С. 197, 207; Манн Т. Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма. // *Манн Т.* Собрание сочинений в десяти томах. Том девятый. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1960. С. 585–589; *Горький М.* Лев Толстой // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Т. 2. М.: Худож. лит. 1978. С. 487; *Лоциц Ю.* Гончаров. М.: Молодая гвардия. 1986. С. 88, 290; *Мельник В.И.* Фольклорный базис художественной модели И.А. Гончарова // Язык. Словесность. Культура. № 4. 2014. С. 70. *Nedzvetsky V.* Ilya Oblomov as Portrayed in the Novel (Bicentenary of the birth of Ivan Goncharov) // Social Sciences. 2013. № 44 (1). P. 43.

⁶⁰ *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд. 1997. С. 355; *Кантор В.К.* Русская классика, или Бытие России. 2-е изд., перераб. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга. 2014. С. 205–208; *Никольский С.А., Филлимонов В.П.* Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция. 2009. С. 161–163; *Kliger I.* Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism // Slavic Review, Vol. 70, no. 1. 2011. P. 45–46; *Manн Yu.* Goncharov in the Context of Philosophical Thought // Social Sciences. № 44 (1). 2013. P. 52.

⁶¹ *Вересаев В.В.* Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М.: Политиздат. 1991. С. 76–77.

⁶² *Кантор В.К.* Русская классика, или Бытие России. 2-е изд., перераб. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга. 2014. Особенно – С. 564–567.

человечества. Однако систематического, всестороннего анализа связи детскости и мифа, детскости как важнейшего мифологического мотива в наследии русских классиков до сих пор не было проведено.

Основные положения и выводы исследования

Первая глава посвящена онтологическому анализу мифологического видения природы в произведениях Лермонтова, Гончарова и Толстого.

Параграф 1.1. содержит обзор и критику традиционных представлений об их понимании природы, раскрывает их недостаточность и тем обосновывает необходимость дальнейшего исследования с привлечением нового методологического инструментария.

Параграф 1.2. посвящен мифологически-детской фантазии и «наивности» мифотворчества. Ключевым элементом и творческой силой мифологического понимания природы у Лермонтова, Гончарова и Толстого является их «наивная» (в исконном смысле слова, т.е. собственно природная, неискусственная) мифологически-детская фантазия. Фантазия мифотворца ничего общего не имеет с вольным фантазированием, она есть *живое присутствие, продолжение и самообогащение природы в человеке* – не один из процессов предметной действительности, объяснимый внешними причинами и не чисто «субъективная» деятельность человеческого сознания, но событие мифотворчества. Мы опираемся здесь на наследие немецкого романтизма, в частности – на идеи Й. Гёрреса, рассматривавшего миф как действие и откровение природы в сознании человека⁶³. В то же время, истолковывая мифологию как со-бытийную реальность, мы переосмысливаем и значительно преобразуем онтологические основания выводов Гёрреса, прежде всего, отклоняя понимание природы в качестве некоего заранее готового и только являющего себя в человеке фундамента мифа.

⁶³ См. *Геррес Й.* Мифология азиатского мира // Эстетика немецких романтиков / Сост., пер., вступ. статья и коммент. Л.В. Михайлова. М.: Искусство. 1986. С. 282–283. Ср. Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии // *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1989. С. 335.

Как подчеркнул Гончаров: «Природа слишком сильна и своеобразна, чтобы взять ее, так сказать, целиком, померяться с нею ее же силами и непосредственно стать рядом; она не дастся. У нее свои слишком могучие средства. Из непосредственного снимка с нее выйдет жалкая, бессильная копия. Она позволяет приблизиться к ней только путем творческой фантазии»⁶⁴. Требующий точной «копии с натуры» реализм исключает фантазию, но при этом парадоксальным образом обедняет натуру, поскольку фантазия – природный дар и выражение в человеке тех же творческих сил, которые присутствуют в самой природе. Она не копирование и не приукрашивание природы, но органичная часть природы, отражающая в себе целое (как и любая часть органического, живого целого): «Пиши одну природу и жизнь, как они есть! – говорят они [реалисты]. Но ведь стремление к идеалам, фантазия – это тоже органические свойства человеческой природы. Ведь правда в природе дается художнику только путем фантазии! <...> В угоду реализму пришлось бы слишком ограничивать и даже совсем устранять фантазию, впадать, значит, в сухость, иногда в бесцветность, вместо живых образов писать силуэты, иногда вовсе отказываться от поэзии, и все во имя мнимой правды! Но ведь фантазия, а с нею и поэзия даны природой человеку и входят в его натуру, следовательно, и в жизнь: будет ли правдиво и реально миновать их?»⁶⁵

Такова как раз детская и мифологическая фантазия (ее ключевые черты Гёте придал своей «точной фантазии»: методу, созданному в оппозиции математическим объективациям природы в новоевропейской физике⁶⁶), руководимая удивлением природе, богатству ее сил, обретаемых человеком и в самом себе. Отсюда и ценившееся у греков выше других когнитивных способностей *философско-мифологическое удивление*. Европейская наука

⁶⁴ Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда // *Гончаров И.А. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Статьи, заметки, письма.* М.: Гослитиздат. 1952. С. 107–108.

⁶⁵ *Там же.* С. 101.

⁶⁶ «Фантазия много ближе к природе, чем чувственность; последняя имеется в природе, первая парит над ней. Фантазия выросла из природы, чувственность – в ее власти» (*Гете И.В. Максимы и размышления // Избранные философские произведения.* М.: Наука. 1964. С. 345). О точной фантазии у Гете см. *Свасьян К.А. Философское мировоззрение Гёте.* М.: Evidentis. 2001. Особенно – С. 197–199.

силится устранить все удивительное в ходе познания природы и рассчитывает на этом пути приблизиться к ней, но в действительности теряет природу, переставая удивляться ей за счет подмены ее измышленными самой же наукой уравнениями и константами. Но мифотворчество, как и еще неразрывно связанная с мифом философия древних, наоборот, желает удержаться в изумлении посредством фантазии: только в удивлении можно сохранить близость природе и живое знание ее. Удивление – еще один важнейший мотив постижения природы у Гёте⁶⁷, несомненно, повлиявшего на его формирование у Лермонтова, Гончарова и, в особенности, Льва Толстого⁶⁸.

Фантазию детей и фантазию мифотворца, одухотворяющую природу, находящую в ней не предстоящий человеку мир объектов, процессов и законов, а живое присутствие высшей реальности («И в небесах я вижу Бога»), обычно называют *наивной*, что, на самом деле, резонно и глубокомысленно, если только принять в расчет исконный смысл этого слова: «Латинское *nativus* означает буквально: природный, врожденный, коренной, безыскусственный; в этом случае сказать кому-либо: “вы наивны”, значило бы сделать ему едва ли не комплимент»⁶⁹. Этой не профанированной, подлинной наивности достигает мифотворчество, когда Лермонтов, к примеру, видит своим «прилежным взором» ребенка в небе ангела полет или самого Бога. О спокойной простоте поэтических картин природы у Пушкина Мережковский писал как об увековечении мировидения взрослых, а о напряженности и глубине переживания природы Лермонтовым – как о детском участии в ее бытии⁷⁰.

⁶⁷ Эккерман рассказывает: «Высшее, чего может достигнуть человек, – заметил Гете по этому поводу, – изумление. Ежели прафеномен повергнул его в изумление, он должен быть доволен, ничего более высокого увидеть ему не дано, а искать дальнейшего не имеет смысла» (*Эккерман И.-П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Худож. лит. 1986. С. 285).

⁶⁸ Об основных аспектах влияния Гете на Толстого, а также о важнейших работах по этой тематике см. *Мотылева Т.Л.* Толстой читает Гете // Толстой читает Гете. Тула: Приок. кн. изд-во. 1982. Особенно – С. 3–6. Из канонических текстов сошлемся на эссе Т. Манна «Гете и Толстой», в котором Манн особенно подчеркивает сходство «антеевского сознания» двух классиков, черпавших в природе, ее богатстве и жизни, свое вдохновение и свою убедительность, не забывая об их аристократизме, «озорстве», вниманию к детскости, проблемам педагогики т.д. (См. Манн Т. Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма. // *Манн Т.* Собрание сочинений в десяти томах. Том девятый. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1960. Особенно – С. 521–523).

⁶⁹ *Свасьян К.А.* Философское мировоззрение Гёте. М.: Evidentis. 2001. С. 61.

⁷⁰ *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ. 2002. С. 349. Философски любопытные замечания об отличии пушкинского пейзажа от

Параграф 1.3 (и отчасти **параграф 1.5**) посвящен *онтологической реконструкции Космоса в мифотворчестве русских классиков*. Мифотворчество русских классиков *воссоздает живой Космос* подобный игре ребенка и хорошо обустроенному Дому. В мифотворчестве природа видится глазами детей, оно и само желать быть своего рода *детской игрой* – в том смысле, в каком о ней говорили Гераклит и Шиллер. Для мифотворцев, как и для детей, природа *не данность опыта и не мыслимый объект, но необъемлемое в мысли захватывающее и живое присутствие Космоса*, не предстоящее человеку, а совершающееся с ним в *со-бытиях* (в двойном смысле слова) мифотворчества.

Мысль ребенка и мифотворца зрима, пластична, свободна, как и природа, продолжением и завершением которой является – строки Лермонтова о силе мысли не зря напоминают мифологическую философию Гераклита:

...мысль сильна,

Когда размером слов не стеснена,

Когда свободна, как игра детей.

Миф, превращенный из праксиса в дискурс, в текст, предназначенный для интерпретации – «стесненный размером слов» – уже не является мифом: так и присутствующая в нем природа, если силятся не сопережить ее в мифотворчестве, а представить на словах, посредством терминов и специальных знаков, перестает при этом быть природой. Эйхенбаум писал о Толстом: «Вслед за изображением кавказской ночи следуют характерные размышления: “Я думал: пойду, опишу я, что вижу. Но как написать это? Надо пойти, сесть за закапанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила; пачкать пальцы и чертить по бумаге буквы. Буквы составляют слова, слова – фразы; но разве можно передать чувство? Нельзя ли как-нибудь перелить в

лермонтовского, об ироническом размежевании Лермонтова с Пушкиным на этой стезе см. *Marsh C. Lermontov and the Romantic Tradition: The Function of Landscape in ‘A Hero of Our Time’ // The Slavonic and East European Review. № 66 (1). 1988. P. 38–39; Tsetsiliia M. Lermontov Reads Eugene Onegin // The Russian Review №53 (1). 1994. P. 61; Серман И.З. Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836–1841. 2-е изд. М.: РГГУ. 2003. С. 217–219.*

другого свой взгляд при виде природы? Описание недостаточно”. К этому прибавляется еще одно наблюдение: “Людам, которые смотрят на вещи с целью записывать, вещи представляются в превратном виде”⁷¹. Лермонтов и иные русские мифотворцы чаяли отыскать в ребенке и в «простом человеке», которые менее всех оторваны от природы, такого понимания природы, в котором слова и мысли о жизни не вытеснили бы, не загромоздили еще самую жизнь – как гласит один из ярких «толстовских» пассажей Лермонтова: «В сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге»⁷².

Лишь слепая мысль прочно связана со словами и особыми символами, которыми зачастую подменяет все, что уже не может видеть, к чему у нее нет доступа – так, например, дело обстоит в новоевропейских точных науках, добывающих некое загадочное *точное знание вне понимания*. Это знание как техническое освоение того, что по-человечески остается неясным и чужим, как В. Гейзенберг писал о математическом описании относительности одновременности у А. Эйнштейна⁷³. Г.В. Лейбниц прямо называл это знание «слепым познанием», «которым пользуются в алгебре и арифметике, да и, пожалуй, почти везде»⁷⁴. В «наше время» – действительно, почти везде, но только не в детстве и не в мифотворчестве.

Мифологическая фантазия и игра ребенка не слепы: они не цепляются за лейбницеву нить Ариадны из условных знаков и абстрактных правил, а раскрывается свободна, подобно самой не замкнутой ни в какие внешние рамки природе. Вечный ребенок у Гераклита играет потому, что он играет, без каких-либо абстрактных правил, целей и оснований: смысл и цель его игры – сама игра в своей свободе и живой красоте, она *бесцельна и именно поэтому бесценна*. Правила и цели – признаки недостачи, несовершенства, но природа

⁷¹ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. С. 35.

⁷² Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. М: Воскресенье. 2002. С. 235.

⁷³ См. *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука. 1989. С. 162.

⁷⁴ Лейбниц Г.В. Размышления о познании, истине и идеях // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль. 1984. С. 103.

– как раз воплощение полноты. Потому мысль действительно приближается к природе и получает силу в мифотворчестве тогда, когда сближается с детской игрой.

Игра природы-макрокосма при этом неотличима и неотделима от игры зримой мысли микрокосма-человека: их единство вбирает в себя живая мифологическая образность, не нуждающаяся в каких-либо обоснованиях и разъяснениях, поскольку это уже не описание, не представление реальности, но присутствие и самоочевидность ее.

Контраст взрослого мышления «нашего времени» и мышления «наивного», детски-мифологического, очень наглядно раскрывает один эпизод из толстовских исканий в сфере воспитания и обучения. В наиболее известных и престижных школах Германии Толстой не раз был свидетелем по одному и тому же сценарию проходившего общения ребят со своим учителем, показывавшего им учебник, раскрытый на странице с нарисованной рыбой, и допрашивающего их, что же тут они видят. Ученики, естественно, ответствовали – рыбку, подводный мир, однако ментор отвергал все подобные ответы, постепенно, методично, неотступно принуждая детей сказать, что они видят тут только *картину, изображающую рыбу*⁷⁵.

Нарочно не выдумать более выразительный пример противостояния детской мысли мифотворца как живого присутствия реальности (вдыхающего жизнь даже в простую картинку из учебного пособия) и не приемлющей миф объективирующей мысли по-кантовски «совершеннолетнего» человека, которая, напротив, и саму реальность повсеместно заточает в картину – в предмет возможно опыта, в математическую модель, в художественный вымысел (намеренно противопоставляемый реальности) и т.д. Вот мысли совсем юной еще Наташи:

«Мама, а он очень влюблен? Как на ваши глаза? В вас были так влюблены? И очень мил, очень, очень мил! Только не совсем в моем вкусе –

⁷⁵ См. Толстой Л.Н. О методах обучения грамоте // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-томах. Т. 8. М.: Худож. лит.-ра. 1936. С. 137–138.

он узкий такой, как часы столовые... Вы не понимаете?.. Узкий, знаете, серый, светлый...

– Что ты врешь! – сказала графиня.

Наташа продолжала:

– Неужели вы не понимаете? Николинка бы понял... Безухов — тот синий, темно-синий с красным, и он четверугольный.

– Ты и с ним кокетничаешь, – смеясь сказала графиня.

– Нет, он франмасон, я узнала. Он славный, темно-синий с красным, как вам растолковать...»⁷⁶.

Детское мышление чувствами⁷⁷ не выразить конвенциональными словами из словаря взрослых, обернутая в которые, она потеряла бы свою прямую связь с миром, а с нею и свою оче-видность, дорефлексивную ясность. Эта *ясно-видящая* детская мысль не изымается из чувственности: «серый, светлый», «узкий, как часы столовые», «четверугольный», «синий, темно-синий с красным» – но и не просто увязает в ней, а, пребывая и разворачиваясь в чувственном опыте, обогащает и завершает его в опыте мифологическом. Поэтому для мифологически-детской фантазии «темно-синий с красным» или «серый», «четверугольный» или «узкий» – уже не представления о формах или о цветах, а непотаенность целых человеческих судеб.

Так, в симпатичном, но «сером», «узком, как часы столовые» мальчике Борису уже явлен в мысли-фантазии ребенка пронырливый карьерист, каким Борису только предстоит стать. Тому, кто не доверяет детству и «наивности» мифа, можно не один час пытаться объяснить это на уровне общих понятий и слов: Борис – человек серый, пустоватый, его мечты, цели и мысли узки, жизнь проходит механически, будто работа заведенных часов и т.д. По слову Гёте: «Чувства не обманывают нас, а обманывают суждения»⁷⁸.

⁷⁶ Толстой Л.Н. Война и мир. Том 2 // *Там же*. Т. 10. 1938. С. 194.

⁷⁷ «В области чувств дети намного богаче нас, они чувствами мыслят», – писал Я. Корчак (*Корчак Я. Воспитательные моменты. Как любить ребенка. Оставьте меня детям (Педагогические записки)*). М.: АСТ. 2017. С. 21).

⁷⁸ *Гете И.В.* Из афоризмов и высказываний Гете // *Избранные сочинения по естествознанию*. Л.: Издат. АН СССР. 1957. С. 397.

Что касается графа Безухова, то его «темно-синее с красным» будущее богато событиями и красками, он обретет еще и семейное счастье, и свои ответы на «проклятые вопросы», и даже душевный покой (хотя и временный, вероятно) – словом, будет еще неопрокидываемым, мощным: «четвероугольным». Но все подобные словесные пояснения вытесняют непосредственную ясность и убедительность, живую насыщенность мысли детей. Будучи самооткровением и продолжением реальности, эти мысли, как и сама реальность, нельзя втиснуть в какую-либо понятийную экспланативную схему: и в мифологически-детской мысли, и в жизни важнее всего именно то, что противится схематизации и не выдерживает опредмечивания.

Все мифотворчество со-бытийно: его как *присутствие и продолжение* самой природы в жизни человека можно противопоставить новоевропейскому изучению природы как лишь *описанию* и моделированию ее, как странному усилию достичь «объективности» познания природы в ходе растворения ее в созданных самим человеком символах, математических законах, константах. Мифотворчество не столько познает природу, сколько по-человечески знает ее: *живое знание* природы противопоставляется здесь множеству теорий и моделям как абстрактному *знанию о* природе.

В **параграфах 1.4-1.5** дается *анализ антропоморфизма мифотворчества и его онтологических оснований*. Мифотворчество не пытается уподобить природу человеку, «перенести» на природу человеческие черты – в нем они оба, скорее, *становятся собой*: в мифологической фантазии обогащается и завершается природа, а человек живет как микрокосм, обретая в себе неисчерпаемость природы и ей позволяя сбыться в качестве живого Космоса. Мифотворчеству присущ антропоморфизм, как и любой форме *человеческого* духа, однако здесь он теснейшим образом связан *космоморфизмом* и с «*космизацией души*» (по выражению Франка), столь характерной для образности Лермонтова, Гончарова и Льва Толстого. В этом коренится неразрывная связь мифотворчества природы и мифологического

видения человека, которым посвящены соответственно первая и вторая главы диссертационного исследования.

В мифотворчестве человек, подобно природе, не предмет мысли или чувственного опыта, а телесно присутствующее «Ты», не профанируемое до объектного «Он» (что означало бы потерю человека: только об отсутствующих говорят в третьем лице). Необходимо ясно различать телесность «Ты» и материально-чувственную данность организма (к которому человека сводит модный натурализм): «Ты» не часть предметной действительности, а со-бытие «Моей» жизни, которая в этом со-бытии становится «Нашей». «Твои» чувства и идеи не передаются «Мне» и не воздействуют на «Меня», будто нечто внешнее, а появляются с самого начала как «Наши», имеют со-бытийную природу. Следовательно, некорректно говорить об определении человека или о проблеме человека в смысле объективирующего мышления. «Тебя» возможно лишь встретить и в чуде (в том смысле, в каком использовал этот термин Лосев) встречи узнать (не познать предметно): чудо это не детерминируется полностью ни внешними причинами, ни замыслами ее участников – встречи с «Тобой» могло бы и не состояться. Таким образом, человек есть тайна, в коей философу позволяет участвовать мифотворчество, но не подлежащая рассудочному решению проблема.

Один из главных мотивов мифологического видения природы в русской классике – *живая вечность Космоса*, отличная как от простого потока времени, так и от неподвижной абстрактной вечности, как у элеатов. Изучению ее природы и онтологического значения посвящен **параграф 1.6**. Полнее всего ее можно понять и сопережить в игре детей как в незавершенном, длящемся не складывающемся из единичных мгновений целом. В игре ребенка нет места объектно представимым и потому отъединенным от настоящего, противопоставленным ему прошлому и будущему: и первое, и второе присутствуют в настоящем, обыгрываются в нем и «на ходу» меняют свой смысл для игры. Детская игра Космоса с самим собой не разворачивается во времени, будто в уже наличной форме, но и не запечатлевается в

неподвижной вечности: в игре сбывается сама живая вечность.

Вторая глава – анализ образа человека в мифотворчестве Лермонтова, Гончарова, Льва Толстого. Мифотворчество исследуется как онтологическое основание философской антропологии.

В параграфах 2.1-2.3. раскрываются различные аспекты онтологической тайны (как понимал ее Г. Марсель) человека как присутствия «Ты», анализируется телесность этого присутствия и явленность в мифе «чужого» («Твоего») сознания. Невозможно достаточно полно отразить в суждениях, дедуцировать и экспериментально удостоверить живую истину. И тот, кто готов принять лишь объективирующее знание – знание закономерностей и фактов предметной действительности – обречен считать истину человека смутной, бездоказательной или просто вымышленной. В различных формах современного натурализма, ссылающегося на нейropsихологию, в постпозитивистской «эпистемологии без познающего субъекта», в формализмах аналитической философии – словом, в ужасно влиятельном ныне сциентизме «Ты» живого человека трансформируют не только в объектное, противостоящее мыслителю «Он», но и в безличное, нечеловеческое «Оно».

В такой ситуации можно всерьез говорить о необходимости «доказательств» (точнее сказать: «показательств») бытия человека: подобно классическим «доказательствам» бытия Бога, они не должны и неспособны выступать доказательствами в смысле математики, то есть логическим насилием, принуждающим оппонента согласиться с реальностью человеческого «Ты» независимо от его согласия и отношения к этой реальности. Не предметную реальность «Ты» – человеческого или божественного – невозможно предъявить и пред-ставить собеседнику, как некое препятствие, которое тот не сумел бы обойти и преодолеть, даже если бы захотел.

Средствами дискурсивного мышления, на уровне логически выстроенной аргументации, знания о законах и фактах можно лишь привести

его к такому этапу размышления, на котором возможна встреча с этой реальностью, если только он пожелает встречи, пожелает принять в свою жизнь присутствие «Ты» – например, в страхе, в привязанности и любви и т.д. Желаящему усмотреть во всем этом и в самом человеке лишь совокупность процессов, происходящих в организме, только результат слепой игры природных и исторических сил, часть предметной действительности, подлежащей научному анатомированию, невозможно *доказать* иное.

Возможно лишь показать ему, точнее – пристальнее всмотреться в свою жизнь, свой нравственный и духовный опыт, чтобы самому понять, что все, на чем он настаивает – правда, но далеко не вся. Подобно тому как невозможно логически доказать собеседнику вне его согласия и воли, что в звучании музыки, помимо измеримого и фиксируемого эмпирически колебания воздуха, помимо историко-культурных условий ее создания и рецепции, совершается и непредставимое чудо красоты. Наследие русских классиков-мифотворцев выступает одним из самых ярких и значительных показателей бытия человека – так же, как бытия любви, красоты или иной тайны (в том смысле, в каком говорил о ней Г. Марсель⁷⁹). Общеизвестно, какое колоссальное внимание Лермонтов, Гончаров и Лев Толстой уделяли плоти, жизни тела, порой даже мяса человека, т.е. наиболее грубой, как кажется, предметной действительности его, но тем важнее и удивительнее, что именно в этом внимании являет себя присутствие человеческого «Ты» и совершается встреча с человеком, а не с его социальным или нравственным статусом, не с нервной системой и организмом. Переиначив немного афоризм Шеллинга, можно назвать многие великие пассажи русских писателей-мифотворцев подлинным «документом» философии человека.

Параграфы 2.4-2.6 под разными углами зрения рассматривают *мифологический мотив единства рода и семьи (со-бытия «Мы»)* в связи с *мотивом судьбы и скульптурностью эпоса*. В этой связи уместно замечание

⁷⁹ Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М, Издательство гуманитарной литературы. 1995. С. 83; Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика. 2004. С. 55 и др.

О. Шпенглера о пластическом, скульптурном характере греческой культуры: «Некоторые душевные порывы, не поддающиеся словесному выражению, можно дать почувствовать другим с помощью взгляда, двух-трех тактов мелодии, едва заметного движения. Это подлинный язык души, остающийся непонятным для посторонних»⁸⁰. Особое искусство: видеть, переживать присутствие души во взгляде, в чуть уловимом движении – в том, скажем, как Китти, взглянув на мужа после родов, «хотела и не могла улыбнуться» и только «слабым движением пальцев отвечала на его поцелуи». Для этого необходимо нечто подобное музыкальному слуху, которому чудесным образом, без всяких намеренных особых усилий приоткрывается тайна звучащей красоты.

Чудо живой встречи с «Тобой», чудо присутствия и откровения красоты человеческой души в его теле и плоти – это чудо мифотворчества: нельзя ни аналитически объяснить его и даже рассказать о нем при помощи общих, слишком общих слов тому, с кем оно еще не с-былось. В слабых и тихих движениях измученной счастливой торжествующей любящей Китти «смысл любви» выражен и понят без всякого его словесного выражения не менее, а, скорее, более полно и точно, чем во всех предметных суждениях философов на эту тему⁸¹.

Желающего и в этой сцене увидеть не откровение «Ты», не чудо с-бывающегося единства человеческих жизней, а только внешнее взаимодействие объектных «Она» и «Он», различных компонентов предметной действительности – например, работу мышц да функционирование слезной железы – наверное, уже ничем нельзя разубедить. Никого нельзя интеллектуально принудить признать непредставимую реальность человека, что отнюдь не говорит о зыбкости или мировоззренческой позиции того, кто предлагает узнать ее при встрече.

⁸⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль. 1998. С. 478.

⁸¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-томах. Т. 19. М.: Худож. лит.-ра. 1935. С. 293–294.

Наоборот, лишь примитивная и самая грубая действительность тех закономерностей и фактов, которые, по замечанию Л. Шестова, поддерживаются только физическим насилием, бесцеремонно вторгается в человеческую жизнь и заставляет себе покориться⁸². Реальность «Ты», живая истина человека – другое дело: она может открыться лишь тому, кто сам согласно принимает ее и участвует в ней как в тайне, превышающей его рассудочное понимание. Потому и своеобразная цена истины человека, как и всякого живого знания, сбывающегося в этой тайне – неустранимое, органично связанное с ней сомнение, интеллектуальный непокой и неполнота понимания, которые не позволят мыслителю однажды остановиться и успокоиться на каком-либо законченном представлении о человеке, утвердиться в неживой «истине» на уровне модели и суждения.

Живая основа мифотворчества, со-бытийного единства «Мы» и всех иных его тайн – это тайна любви, которая обсуждается в Параграфе 2.7. Участвовать в тайне безвинных страданий и зла, в тайне «откровения Ты», в тайне смысла жизни и смерти (все это не проблемы, но тайны, понятные лишь тому, кто открывается им, а не судит о них), вынести и пережить их можно лишь, будучи онтологически близким, равным им. А для этого необходимо столь же глубокую тайну обрести в самом себе: человек дорастает до такой тайны, открывает ее в себе только в любви к «Тебе».

Параграфы 2.8-2.9 – онтологический анализ человеческой свободы в мифотворчестве и саморазложения новоевропейского представления о свободе как об автономии. Иная важнейшая тайна и иное чудо, которым, благодаря любви, открывается в мифотворчестве человек – свобода. Человеческая свобода не проблема и не объект изучения: «Он» или «Она» как часть предметного мира, покорная его закономерностям и внутренним зависимостям, не бывает свободным. Свободу можно узнать (не объективировать) лишь в присутствии «Ты». Свобода с-бывается с человеком как тайна, она не вещь и не свойство, не принадлежит человеку и не

⁸² См. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Наука. 1993. С. 362.

характеризует его. Свобода нельзя понять ни как автономию воли, ни как свободу выбора. Человеческая свобода в мифотворчестве открывается как *неавтономия*: он с-бывается с людьми – хотя могла бы и не сбыться – не благодаря лишь их стараниям и воле и прочно связана с переживанием судьбы.

Свобода открывается только в живом знании, она не стоит перед мыслящим взором исследователя навтыяжку в картезианских отчетливости и ясности, но усложняется, растет вместе с человеком, раскрываясь иногда менее, иногда – более полно, сохраняя в себе зерно незавершенности и сомнения. Из-за этого человек и не может никогда вполне увериться в своей свободе или точно знать, в чем и насколько он свободен.

Коль скоро, в отличие от живого знания и тайн мифотворчества, предметный мир, объективируемый чувственностью и рассудком, насильно вторгается в жизнь человека, всегда проще отождествить его со всей полнотой реальности, растворив в ней все тайны, приоткрывающиеся в со-бытиях мифотворчества, прежде всего, устраняя свободу. Склонного это сделать невозможно логически, на уровне суждений «заставить быть свободным», возможно лишь пригласить его к соучастию в тайне мифотворчества, и уже в мифологическом, а не в предметном, опыте узнать, что вопрос о сущности свободы не случайность, нарушающая нормальное функционирование мира фактов и вещей, ненужная ему и непонятная.

В мифотворчестве русских классиков мы постоянно встречаемся именно с тайной свободы, которой человек приобщается в любви и которая дает сбыться не автономии человека, а его судьбе, оставаясь не один раз и навсегда доказанной, а живой, истиной. Рассмотрим это на примере засвидетельствованной Лермонтовым судьбы пророка – вероятно, центрального персонажа его мифопоэтического наследия. Центрального – потому что не только Лермонтов, но практически все важнейшие его герои (в том числе и Печорин) – это поэты: как добавил бы Обломов – «поэты в жизни, ибо и жизнь есть поэзия». Прежде всего, пророка никак нельзя считать свободным в том смысле, в каком о свободе обыкновенно говорит «наше

время»: его всевидение и его воля – от вечного судии, а не от него «самого». Еще Платон изведаль и передал трагизм судьбы пророка, ибо и сам был философ-мифотворец и поэт, в страшных усилиях пытавшийся отделить одно от другого, изгоняя поэтов из правильного полиса, то есть, прежде всего, из себя самого. Много позже через это прошли и русские классики-мифотворцы⁸³.

Пророк возвращается к людям не в силу «свободного выбора», но и не по велению долга как абстрактного априорного императива: пророк просто не может поступить иначе: иначе он уже не пророк. Замечательно, однако, что в этом «не может» заключена как раз его свобода, не только судьба. Ибо поэт не может иначе из-за любви, но никак не из-за внешнего принуждения со стороны предметной действительности или специального самопринуждения (которое, в конце концов, приходится признать либо произвольным, либо продиктованным тем же «внешним» предметным миром). И встреча поэта с людьми, и его встреча и соработничество с самим Богом совершаются по любви и благодаря ей в со-бытии «Мы». Пророк не сделал себя пророком «сам»: его всевидение дано Богом, но и живой Бог (не «Бог философов»), и живой человек – это *не части внешнего, предметного мира, а присутствие «Ты», участвующего во всех «Моих» (или точнее – «Наших» в силу «Твоего» соучастия) чувств, поступков, мыслей, творений.*

Воля поэта (пророка, мифотворца) не гетерономна, но и не автономна в смысле «нашего времени», но *со-бытийна*. Ни завет Предвечного, ни страницы злобы и порока поэт не воспринимает как нечто внешнее, предстоящее ему или представляемое им – он и сам живет всем этим как своим, а не чужим. Заметно это и в лермонтовской «Думе», в которой поэт пишет о «Нашем поколении» от первого лица: «Богаты мы, едва из колыбели...» и т.д. Общество, толпа («Вы») не противостоят здесь пророку, что еще было заметно в стихах на смерть Пушкина – подлинный поэт

⁸³ Подробнее о мифотворчестве Платона и о его близости Гоголю и Толстому, об их восстании против своего искусства см. Куликов А.К. Мифологические мотивы в творчестве Н.В. Гоголя. Философский анализ. СПб.: Алетейя. 2020. Особенно – С. 240–242, 274–275.

разделяет пустое и темное грядущее людей как свое⁸⁴.

Лишь сбывающееся в мифе и в мифотворчестве благодаря любви чудо «Мы» дает нам участвовать в тайне свободы. «Его» поступок, «Его» мысль, «Его» воля (непринципиально – Бога ли, пророка или человека) не бывают свободными: третье лицо однозначно указывает, что воспринимаются и описываются они просто как элементы мира объектов. Однако «Твой» высший и вечный завет, «Твоя» самолюбивая улыбка или «Твое» – это уже совершающиеся сверх объектной действительности события «Моей», а потому и «Нашей», жизни, и события эти не происходят необходимо, однако участники их, в отличие от наблюдателя со стороны, едва ли сочтет их просто случайностями. Можно сказать: *участие* в таких событиях – сама *участь* и людей, и пророка, самая суть их жизни⁸⁵, «выбранной» ими потому, что она выбрала их.

Такие со-бытие могли и не случиться, однако они с-былись, и это имеет решающее значение в жизни их участников. Не полагая их неотвратимыми, никак нельзя также считать лишь случайностями откровение пророку высшего судии или встречу и столкновение поэта с людьми, встречу и любовь Наташи с князем Андреем, его рану и смерть, равно как встречу и последующий разрыв Ильинской и Обломова, его детство в сонном царстве Обломовке и засыпание в природе, растворение в ней на Выборгской стороне. Марсель говорил о тайне, или лучше – таинстве, встречи с любимым: «Избежим ли мы

⁸⁴ Об этом см. *Серман И.З.* Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836–1841. 2-е изд. М.: РГГУ. 2003. С. 145; *Powelstock D.* Becoming Mikhail Lermontov: The Ironies of Romantic Individualism in Nicholas I's Russia. Northwestern University Press. 2011. P. 255, 260. Ср. выводы Лотмана: «Стремление проникнуть сквозь покровы “приличий светских и страстей”, необходимое для пророка – обличителя современности, диктует знание зла и причастность к нему. Оно же объясняет и так называемое светское поведение Лермонтова второй половины 1830-х гг., его стремление *стать* светским человеком» (*Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение. 1988. С. 213).

⁸⁵ Ср. у Исупова: «“Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить его участь”. Этимологически сродненные слова случай и участь снимают оппозицию случайного (дискретного и непредсказуемого) и детерминированного (неотвратимого и линейно опричиненного) в плане волевых инициатив героя» (*Исупов К.Г.* Метафизика игры у Лермонтова // Соловьевские исследования. Выпуск 1 (45). 2015. С. 94). Ср. *Gary D. Cox.* Dramatic Genre as a Tool of Characterization in Lermontov's *A Hero of Our Time* // *Russian Literature*. Vol. 11, no. 2. 1982. P. 166; *Vishevsky A.* Playing with a Used Deck: Echoes of Pushkin's 'The Queen of Spades' in Lermontov's 'The Fatalist' // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne Des Slavistes*. Vol. 43, no. 2/3. 2001. P. 198; *Stelleman J.* Traditional and Innovative Compositional Methods in Lermontov's Dramatic Works. *Russian Literature*. Vol. 64, no. 1. 2008. P. 115, 124.

трудностей, объявив, что, в конечном счете, эта встреча была лишь счастливым случаем, стечением обстоятельств?.. В глубине моей души тотчас поднимается протест против этой пустой фразы, этого бесполезного отрицания чего-то, что я ощущаю всем своим существом»⁸⁶.

Это не случайности, а *случа́й*, как сказали бы в эпоху Лермонтова, то есть действие и присутствие судьбы, живая реальность «Мы», которая, говоря по-аристотелевски, раньше возможности: всякая мысль, чувство, поступок, которые могут и которые не могут совершить Безухов, Болконский, Обломов или лермонтовский пророк, предугазаны и охвачены в тех со-бытиях, что сделали этих людей теми, кто они суть. *Сделали* – означает здесь: не оказали внешнее воздействие, а *позволили сбыться* в качестве тех героев русского мифа, какими их знают и какими им надлежало стать. Потому и сами мифотворцы (как, скажем, в случае союза Пьера с Наташей⁸⁷) зачастую не знают, не могут знать заранее, как именно дано будет с-быться и устроиться судьбам их героев⁸⁸.

В рамках предметного мира и постигающей его объективирующей мысли бывают только контрарные необходимость и случайность (хотя для них и возможна мера: вероятность), но *свобода не вмещается в эту дихотомию, она сбывается как не-случайность* – сбывается с «Тобой», а потому и с «Нами». Даже простое дорефлексивное переживание свободы, на которое всегда ссылались как на «факт» в спорах с поборниками детерминизма, есть сознание того, что событие, *происходящее с человеком, неслучайно, но в то же время не детерминировано ни закономерностями предметной действительности, ни самость этого человека*. Само мифотворчество можно описать как живую целостность или череду таких не-случайностей.

⁸⁶ Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М, Издательство гуманитарной литературы. 1995. С. 83.

⁸⁷ См., н.: Шкловский В.Б. «Война и мир» Льва Толстого // Толстой Л.Н. Война и мир. Тома первый и второй. М.: Художественная литература. 1968. С. 11

⁸⁸ Как подчеркнул Хайдеггер: «Событие, в своем явлении осуществляющее человеческое существо, дает смертным быть самими собой тем, что препоручает их тому, что отовсюду говорит человеку в сказе, отсылая к потаенному <...> Событие дает человеку, требуя его для себя, сбыться в его собственном существе» (Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. М.: Республика. 1993. С. 269).

Проникнуть далее в тайну человеческой свободы нельзя, не разрушив ее: преодолев попытки предметного описания и объяснения свободы, мы подходим теперь к такой границе, на которой ее можно только разделить и пережить именно как тайну. Свобода человека, в особенности – та, что ведома поэту, с-бывается, благодаря любви, как участь – как участие в чуде «Мы» и присутствие этого чуда в мифотворчестве. В этом чуде свобода является непотаенной (в двойном смысле слова), ясной в своей непостижимости, доступная для соучастия как тайна, которую можно словесно описать лишь апофатически: *не случайность, не произвол, не автономия, не необходимость.*

Краткие **Параграфы 2.9-2.12** *подводят итоги исследования мифологического понимания человека у Лермонтова, Гончарова и Толстого. Посвящены они, прежде всего, непотаенности человечности в мифотворчестве и поиску выхода из новоевропейского кризиса гуманизма на основе мифа.* В мифотворчестве русских классиков можно отыскать способ преодоления «кризиса человеческого самопознания»: дробления и потери единого живого образа человека в многочисленных разрозненных объективациях его. Как встреча с живым «Ты», мифотворчество выражает необъективируемую человечность, способную стать общим корнем разнообразных представлений о человеке, из представлений о «Нем» становящихся при этом ликами обращения к «Тебе».

Апробация результатов исследования

В ходе подготовки диссертационного исследования были представлены следующие доклады на конференциях:

1. *Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли* (ИФ РАН, Москва, 21.04.2021) Доклад: «Утопии Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого как мифотворчество»
2. *Прорыв к трансцендентному: конференция памяти П.П. Гайденко* (ИФ РАН, Москва, 29–30.03.2022) Доклад: «Философское осмысление

наследия М.Ю. Лермонтова в русской религиозной мысли Серебряного века»

3. Философский семинар: «Философия в литературе. Литература в философии. Путь, проложенный Львом Толстым» (Государственный музей Л.Н. Толстого, Москва, 16.03.2022) Доклад: «Героизм и судьба у М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого»

При написании диссертации были опубликованы следующие статьи:

1. Куликов А.К. Иван Гончаров и Лев Толстой: человечность в русской классике как философская проблема // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 119–130.
2. Куликов А.К. Лев Толстой и возможность мифологического мышления // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 2. С. 174–202.
3. Куликов А.К. Русская классика, или миф в борьбе с... мифом? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 358–376.
4. Куликов А.К. Проблема судьбы и героизма у Лермонтова и Льва Толстого. Философский анализ // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 122–133.

С привлечением результатов данного исследования были разработаны и реализованы два учебных курса:

1. НИС «Философия в русской классической литературе», первый модуль (Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ, 09.2020–наст. время)
2. Факультатив «Философия» (Лицей НИУ ВШЭ, 09.2022–05.2022)